

СМЫСЛОВОЕ ПОЛЕ ДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена смысловым формам концепта «движение» в русской культуре, применительно к сознательным и бессознательным структурам в ее выражении. Концептуальная выраженность движения применительно к системе культуры позволяет понять некоторые особенности функционирования формальных и неформальных институтов, что позволяет свести в единое целое методологию институциональной экономики, философии, психологии применительно к анализу социальных структур, выраженных в предельных формах смысла в отношении явление-сущность посредством концептуального выражения.

Ключевые слова: движение, образование, структура, сущность, явление

А.А. Atanov

THE CONCEPTUAL FIELD OF MOTION

The article is devoted to the semantic forms of the 'movement' concept in Russian culture, in relation to the conscious and unconscious structures in its expression. Conceptual expression of movement in relation to the culture system allows us to understand some features of the functioning of formal and informal institutions that allows us to reduce to a single whole methodology of institutional economics, philosophy and psychology, applied to the analysis of social structures, expressed in extreme forms of meaning in relation to the phenomenon-essence through conceptual expression.

Keywords: motion, meaning, education, structure, essence, phenomenon.

Это выступление родилось из одного высказывания Ю.М. Лотмана. Он обратил внимание на то, что в русской культуре в отличие от западной, любое движение воспринимается как негативное. И не просто как негативное, ведь негатив – это отрицательное основание позитива создающее перевернутое (искаженное), но сущностно очевидное изображение. Контур и структура явления сохраняются. Отрицание как негатив не изменяет сущность, но создает измененный ракурс. Явление в негативе сохраняется, разрушение не происходит, движение здесь не уничтожает сущность и явление. Негативным является восприятие движения, но сущностно движению приписан разрушительный смысл. Смысл двойственен в двух контекстах: 1) смысл восприятия данности движения – негатив; 2) смысл самой действительности движения – разрушение. Маркер смысла здесь выступает в соотношении с основаниями культуры, которые потом соотносятся с концептом движения.

В русской культуре движение носит разрушительный характер, так любое изменение воспринимается самой культурой как негативное. По сути дела, смысл восприятия и смысл действительности движения собираются в едином негативном образе разрушения. Кроме того, в истории русской культуры постоянно присутствуют в образной форме две модели ее собственной определенности: 1) образ неподвижной глыбы, о которую разбиваются бури другого (заграничного) мира; 2) символический образ коня, несущегося в неизвестность, коня, сбросившего седока. Даже если мы судим по этим образам созидания тут не много: либо застывание, либо движение обезумевшего коня. Если перевести образ и символ коня на привычный язык двадцатого-двадцать первого веков, у нас появляется образ бессознательного, никак не связанного со структурой личности, здесь нет ни эго, ни супер-эго. Безумие в чистом виде. Аллюзия разрушения совершенно очевидна, ибо мы не знаем системы знаков, ни системы ассоциаций, указывающей на содержание глыбы или обезумевшего коня без всадника, доступа нет. Образы не изменения, а образы фиксации несопряженные с человеческой жизнью. Замирание или безумие. Какой выбор или какое изменение возможны в так выстроенной системе культуры?

Неслучайно тема любого изменения происходит у нас в очень странном виде. Мы можем вспомнить реформы Петра Великого. Культура оказалась замененной на анти-культуру. Традиционные ценности были заменены на другие. В новой культуре присутствует тема глумления над старой культурой – пьянство, курение, всешутейшие и всепьянейшие соборы, другой язык, другие культуры, а результат? Были построены металлургические заводы на Урале, но есть одно «но», на этих заводах используется крепостной труд. Тема капитализма как формы общественных отношений в производственной сфере отсутствует. Мы воспроизводим архаичные или связанные с удовольствием формы, качество самого явления не меняется. Маленькая ремарка, такое образование как крепостные гаремы появилось в России после реформ Петра, и держатели их позиционировали себя как прогрессивных «новых» людей. Что в России было создано действительно мирового уровня в девятнадцатом веке – это литература. Может быть смыслы нужно поискать в этой сфере, где действительно работало творческое начало преодолевающее национальные границы?

Глыба – это указание на принцип удовольствия, но его преодоление возможно только посредством возможных напряжений, удовольствие в чисто виде – это полный распад, смерть. Но не смерть как реальный процесс, а уход из жизни. Образ дивана, хорошо известный по русской литературе наглядно демонстрирует содержание этого процесса.

В системе аллюзий в русской культуре существует образ колеса, который заменяет движущийся объект. Достаточно вспомнить рассуждения до куда доедет колесо (sic!), а не бричка в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя. В сказках все обычно заканчивается фразой: «Жили они долго и счастливо». Все движение героя или героев заканчивается счастьем, движение закончилось и наступила жизнь (или смерть?). То есть у движения есть результативное завершение. Достаточно вспомнить «Властелина колец» Дж. Толкиена. Кольцо превращается в огненное колесо, которое поработает и героя, и окружающий мир, стремясь

вернуться к своему господину. Воля героя и воля колеса не совпадают. В сказке есть Роковая гора, где все может закончиться, но стоит обратить внимание, что не по воле героя, несущего кольцо Всевластья, а по стечению обстоятельств. В реальной жизни колесо катится, руководствуясь своей волей, возникает вопрос про волю движения, откуда она и какова ее смысловая организация? Почему в России движение носит разрушительный характер, а на Западе нет? Культурный это фактор, социальный или психологический? А может быть, смесь всего этого?

Возникает весьма продуктивная мысль, может быть стоит ограничить количество проводимых реформ? Не все люди способны к изменениям, поэтому проверяются знакомые и очевидные по прошлому факторы изменений, т.е. система бюрократизируется, проверяющий ищет не характер и структуру изменения, а отчет об изменении. Отчет – это всегда устаревшая форма так как его основания отнесены к прошлому состоянию системы или к значениям актуальность которых определяется организацией, иницирующей отчет, поэтому выделяющие средства или предлагающие изменения судят об изменении при помощи форм отчетности, а инновационные организации не приспособлены к старой отчетности, хорошо если они понимают это сразу и создают подразделения для заполнения устаревших форм, если этого нет, организация начинает генерировать не изменения, а отчеты об изменениях, чтобы восстановить спокойствие глыбы, осуществляющей привычные функции – главная из которых покой. Изменения и движение не затрагивают сущности организации инициатора процесса изменений, так как никак не соотносятся с реальным положением вещей.

Примером может служить система образования. Институционально изначально она в России оформлялась по немецкому образцу. Акцент делался на способности обучающегося, студенческая жизнь связана с темой вольницы – отсюда «от сессии до сессии живут студенты весело». Школа должна обеспечивать развитие имеющихся способностей и давать базовый свод знаний и культурных контекстов. Не может вестись речь о том, чего нет. Если нет способностей, то их просто нет. Образование не формирует способности, а лишь их оформляет. У учащегося включается способность к адаптации к студенческой жизни, только в том случае, если она есть. Поэтому у каждого вуза могут быть специфические требования к способностям студентов, именно из-за специфичности изучаемых там предметов и дальнейшей специализации выпускника. Способности к математике нужны и выпускнику экономисту, и выпускнику механико-математического факультета, но осмелюсь предположить, что это не совсем одинаковым образом организованные способности. Разницу могут увидеть, только специалисты в экономике и в механике. Способности у них организованы совершенно различным образом или же тогда специалист в бухгалтерском учете приравнивается на уровне математических способностей к специалисту по теоретической механике. Отличие способностей, ориентированных на бухгалтерский учет, или ориентированных на теоретическую механику могут понять только специалисты решающие соответствующие задачи в своих областях.

Что ведет нас к созданию предметным комиссиям вузов. Вузы сейчас не занимаются приемом посредством предметных комиссий, за редким исключением. Вопрос: «Может ли школьный курс математики решать универсальные задачи по подготовке будущих математиков, физиков, химиков, инженеров, экономистов без учета способностей выпускников к определенным типам специализированной деятельности»? Думаю, школьный учитель не в состоянии решать такие задачи, да и зачем? Его задача учить математике, а вот селекцией способностей к определенным областям знания должны заниматься другие специалисты. Полная обезличенность экзаменов исподволь начинает разрушать университетскую среду, построенную на примате способностей к определенной деятельности.

Тогда нужно менять и университетскую среду, которая должна решать задачи формирования способностей к тому или иному виду деятельности. Вопрос, сколько стоит создание новой когнитивной среды университета, кто это делал на практике и с каким результатом? Может проще и дешевле подбирать людей с соответствующими способностями, и готовить из них специалистов? Это элементарное возвращение к сущности немецкой образовательной системы. Но боюсь, что точка возврата уже пройдена, мы оказались в другой образовательной среде. Понятно, что удерживают планку традиционные старые учебные заведения, из-за большого количества желающих учиться в них, но это не выбор самих учебных заведений, а выпускников. Все понимают, что можно стать космонавтом, но при этом нужно обладать определенным качеством здоровья и физическими параметрами. Но у любой профессии есть такая же система ограничений и профессиональных деформаций, о которых знают только специалисты. Развить у человека способности одно, но сформировать способности несколько иное. Возникает классическая диалектическая схема одного и иного, а это уже и категория становления, категория ставшего, категория энергии и категория имени, то есть совершенно иной процесс, требующий гигантских организационных и интеллектуальных усилий. Именно на этом этапе и включаются два символических способа решения проблем: превращение в покоящуюся глыбу или безумную лошадь. Хрен редьки не слаще. Может, проще выбирать задачи себе по силам и по средствам?

У Фрейда есть замечательные наблюдения по поводу навязчивых повторений. Существует защита от внешних воздействий, которая снижает влияние поступающего возбуждения, защита от воздействия внутренних раздражителей невозможна, возбуждение глубоких слоев распространяется на всю систему, при этом его прохождение вызывают ощущения удовольствия – неудовольствия. Ключевой тезис Фрейда, что бессознательные душевные процессы «вневременные». Поэтому и глыба, и безумная лошадь оказываются вневременными, так как не связаны с работой сознания. Человека захватывает или тема удовольствия, или тема безумия. Все силы уходят на борьбу с этими раздражителями. Сознание, функционирующее в пространстве и времени, связано с пространством и временем как формами мышления. Мышление в принципе удовольствия и в безумии невозможно. Поэтому культура и начинает выпол-

нять охранительную функцию, но ее содержание, – это содержание вытесненных форм.

Без движения невозможно членение пространства на уже пройденное и еще не пройденное. Движение – это модель изменения в соответствии с координатами. Существует зависимость движения от характера пространства и времени. Более подробные описания есть у российских исследователей В.Н. Топорова и В.В. Иванова (на примере ведийской, иудейской и исламской мифологии). Миф – это рассказ, рассказ о реальности и средствами реальности. Это и сделала великая русская литература. Держа в смысловом поле все реальные процессы, даже такие как глыба и лошадь без всадника.

Информация об авторе

Атанов Андрей Алексеевич – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: andy777755@mail.ru.

Author

Atanov Andrei A. – Head of department of philosophy BSU, PhD, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, e-mail: andy777755@mail.ru.